

ПЕТР ВАЙЛЬ
КАРТА
РОДИНЫ

ПЕТР ВАЙЛЬ
КАРТА
РОДИНЫ

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В14

Издательство благодарит СЕРГЕЯ МАКСИМИШИНА
за любезно предоставленную фотографию на обложку

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Вайль, Петр Львович
В14 Карта родины / ПЕТР ВАЙЛЬ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2021. — 464 с.

ISBN 978-5-17-137776-2

Петр Вайль (1949–2009) — известный журналист, писатель, один из основателей жанра русской послевоенной эссеистики, автор книг “Гений места”, “Стихи про меня”. Так же, в соавторстве с А. Тенисом, им написаны “Родная речь”, “Русская кухня в изгнании” и др. Петр Вайль эмигрировал из СССР в 1977 году и жил за границей до конца жизни. “Карта Родины” — сборник эссе о его путешествиях по стране, в которой он родился и которой уже больше не существует.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-137776-2

© П. Вайль, наследники, 2003
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
© ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>К новому изданию</i>	9
<i>О вечном и личном</i>	11

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

Трамвай до Мотовилихи	17
Макарьевская ярмарка	22
Абрау-Дюрсо	27
До Вытегры и после	30
Фирменный поезд “Ярославль”	39
Иммануил Кант	43
Семья Ульяновых	47
Джон Григорьевич	54
К Леонтьеву по Жиздре	58
Ночлежка в Нижнем	64
Розы для Николая Островского	67
Дягилев в Перми	71
Мимо Череповца	74
У Лукоморья	77
Костромская музыка	81
Новороссийск	85

СОЛОВЕЦКАЯ НОЧЬ

Бухта благополучия	89
Командировка Голгофа	101
Маленький человек короткого века	113

ПРИБРЕТЕНИЕ СИБИРИ

Энск. Веселые ребята	133
Чуйский тракт	149
Детство в углу	161
Живопись Югры	171

ОЧЕНЬ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

На проспекте утопии	185
О комфорте коммунизма	191
На краю тверди	196
О государстве кочевников	202
На разном острове	208

АЛЬБОМ КАМЧАТКИ

Взгляд с бразильского крейсера	217
Ительмены удачи	222
Взгляд с рыболовного сейнера	228
Лосось: ускользающая красота	235

ИМПЕРСКИЙ ПЕРИМЕТР

Паспортная проверка в станции Червленной	243
Музей Сталина в Гори	245
Евразийская степь	253

Дом с химерами	259
Кино в Абхазии и Сочи	267
Белорусское оружие	271
Бакинские комиссары	283
Хасавюртское соглашение	290
Вино Кахетии	293
Кроманьонцы Триполья	302
Озеро Рица	306
Ермоловский камень	311
Батумский чай	317

БЕСПОКОЯЩИЙ ОГОНЬ. ЧЕЧНЯ, ВЕСНА 95

Тактика войны	325
Быт войны	328
Фольклор войны	333
Плен войны	336
Деньги войны	340
Будущее войны	345
Речка смерти	350

МОСКВА, КУСОК ПЛАНЕТЫ

ОСКОЛКИ ИМПЕРИИ: ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Ашхабадское землетрясение	367
<i>Копет-Даг—Каракумы</i>	369
<i>Молокане</i>	372
<i>Город под Аркой</i>	378
Судьба барабанщика	386
<i>Родительский вторник в Ташкенте</i>	387

<i>Мы из Эльзаса</i>	392
<i>Узбекские древности</i>	396
<i>Слово, картинка, звук</i>	403
<i>В стране Тимура</i>	409
Долгота Риги	415
<i>Дом</i>	418
<i>Работы</i>	425
<i>Компания</i>	431
<i>Армия</i>	438
<i>Газета</i>	448
<i>Рига — Нью-Йорк</i>	454
<i>О любви и уважении</i>	461

К новому изданию

Поскольку в основе книги — живые впечатления 1995–2002 годов, при подготовке нового издания необходимо было убедиться, что впечатления живы. Что прибавленные главы, по следам, например, поездки в Болдино и путешествия на Камчатку, не выделяются из общего текста. Убедился. Правда, прошедшие годы, с середины 90-х считая, — срок исторически ничтожный, но правда и то, что на переломах год может идти за пять. Нет, сейчас темпы перемен не так драматичны. То есть драматичны, конечно, но по-другому.

С особым пристрастием перечел главу о Чечне. Вторая война отличалась от первой решительно. Появился религиозный, исламский, фактор, практически не существовавший в 90-е. Во многом война превратилась в гражданскую. Невероятно ужесточились методы борьбы со всех сторон. Если захват буденновской больницы можно было счесть военной диверсией, то “Норд-Ост” и бесланская школа — беспримесный терроризм. Но если в Буденновске с командиром диверсантов вел переговоры премьер-министр, пытаясь спасти жизни мирных людей, то на Дубровке и в Беслане своих убивали свои — походя, по известному принципу “лес рубят — щепки летят”. Страна легко вернулась к привычному (средневековому) пониманию: великая держава не та, которая обеспечивает хорошую жизнь своим, а та, которая убивает как можно больше чужих. И когда по пути попадают под руку свои — зна-

чит, им не повезло. Война становится состоянием жизни, перестает замечаться, банализируется. В главе о Чечне, о Первой чеченской войне, эти мотивы услышаны и изложены.

На протяжении XX и начала XXI веков Россия оказывалась очень разной. В Российской империи было заложено многое из того, что потом большевики с легкостью воплотили в жизнь. Но, тем не менее, в десятилетие перед Первой мировой в стране наглядно складывались общественное сознание, общественное мнение, общественный этикет — те неписанные правила, без которых не может существовать ни один социум. Которые так и не вошли в жизнь, которых остро не хватает в сегодняшней России. Правда, и писанные законы не соблюдаются.

Нынешняя страна — причудливая смесь из 90-х, когда наметился путь к цивилизованной норме, и прежних советских времен. Нельзя не замечать расцвета предпринимательства, но и кукольного парламента и обилия изображений первого лица. Свобода передвижений по миру и невиданное разнообразие бесконтрольного книжного рынка сочетаются с удручающе знакомым единообразием телеканалов и журналистской самоцензурой.

Общественная гармония наступает тогда, когда совпадают или хотя бы сходятся близко четыре основных социальных понятия:

- а) страна,
- б) народ,
- в) культура,
- г) государство.

В России эти категории никогда не смыкались и пока не смыкаются никак, существуют параллельно и часто просто вопреки друг другу. Родину по-прежнему можно любить и трудно уважать.

Январь 2007

О вечном и личном

Я родился в первой половине прошлого века. Так выглядит 1949 год из нынешних дней. Так время помещает тебя без спросу в эпос. Пространство — в историю. Москвич-отец с эльзасскими корнями и ашхабадка-мать из тамбовских молотков поженились в Германии, я родился в Риге, много лет прожил в Нью-Йорке, эти строки пишу в Праге.

Важно, что все происходит почти без твоего участия. Людей можно разделить на тех, которые живут, и тех, которые строят жизнь. Я отношусь к первым. Больше того, люди, строящие жизнь, вызывают недоверие: за ними кроется неуверенность и неправда. И еще — наглость: попытка взять на себя больше, чем человеку дано. Стоит раз и навсегда понять, что жизнь умнее и сильнее тебя. Ты только можешь в силу отпущенных тебе возможностей что-то слегка подправить, но полагать, что способен определить ход своей судьбы, — необоснованная дерзость.

Масштабный пример явлен был календарем. Человечество умудрилось устроить встречу тысячелетия дважды. Сначала объявили, что новая эпоха грянет 1 января 2000 года. Потом решили отпраздновать еще раз, по-настоящему, 1 января 2001 года. Однако на вторую полноценную гулянку энергии не хватило. Современный человек оснащен разнообразно и мощно, но в сути своей уязвим и слаб, ничуть не прибавив по

ходу истории эмоционально, душевно, интеллектуально. Мы не выдерживаем даже двух подряд больших праздников, которые сами же придумали и назначили. Если на радости недостает сил, может, и на злодейства не хватит?

У меня ощущения смены эпох не было и нет, не увлекаюсь цифрами. Если уж подводить итоги столетия, главным представляется не событие, не факт и не дата, а дрящееся отторжение от какой бы то ни было единой доктрины, общей идеологии, маршруровки строим. Никакого хорового пения — только сольные партии: даже если нет слуха и голоса, голова работает и сердце бьется.

Однако массовый психоз по поводу миллениума радуется: убедительный пример торжества формы над содержанием. Ведь ровным счетом ничего не произошло, когда 1999-й сменился 2000-м, 2000-й — 2001-м. То и замечательно, что поменялось лишь начертание: единица-двойка, девятка-ноль — но сколько волнений, каков восторг и ужас. Наглядная победа иррационального чувства над рациональной мыслью.

В формуле Достоевского “красота спасет мир” речь как раз о том, что красота спасет мир от разума. Внедренные в практику попытки устроить жизнь по логике и уму неизменно приводят в тупик в лучшем случае; в худшем — к магадам, освенцимам, хиросимам, чернобылям на массовом или личном уровнях. К счастью, сокрушительный разум корректирует красота — неведомая, неисчислимая, непостижимая сила, которая побуждает не строить жизнь, а жить.

Жить — и делиться наблюдениями, впечатлениями, ображениями по ходу жизни. Без претензий, а так, как сказал Басё: “Видя в этом один из способов уподобиться облакам и подчинить себя воле ветра, начинаешь записывать все, что остается в твоей памяти, собираешь воедино случившееся позже и происшедшее раньше, полагая при этом, что люди, принимая твои записи за невнятное бормотание пьяного или бред спящего, отнесутся к ним не всерьез, а как придется”.

Наблюдения, впечатления, соображения нескольких лет (1995–2002) на пространстве от Белоруссии до Сахалина, от Соловков до Каракумов переплелись с долгим опытом жизни в империи — моей семьи и моим собственным. Так сложилась и легла “Карта родины”.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ